

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЛИЧНЫЕ
МОТИВЫ

ТОМ I

Александра Маринина
Личные мотивы. Том 1
Серия «Каменская», книга 29

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=570155
Личные мотивы. Том 1: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46877-5

Аннотация

Прошлое неотрывно смотрит в будущее. Чтобы разобраться в сегодняшнем дне, надо обернуться назад. А преступление, которое расследует частный детектив Анастасия Каменская, своими корнями явно уходит в прошлое. Кто-то убил смертельно больного, беспомощного хирурга Евтеева, давно оставившего врачебную практику. Значит, была какая-то опасная тайна в прошлом этого врача, и месть настигла его на пороге смерти. Месть? Впрочем, зачастую под маской мести прячется элементарное желание что-то исправить, улучшить в своей жизни. А фигурантов этого дела обуревают множество страстных желаний: жажда власти, богатства, удовлетворения самых причудливых амбиций... Словом, та самая, столь хорошо знакомая Насте, благодатная почва для совершения рискованных и опрометчивых поступков. Но ведь где-то в прошлом таится то самое роковое событие, вызвавшее эту лавину убийств, шантажа, предательств. Надо как можно быстрее вычислить его и остановить весь этот ужас...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александра Маринина

Личные мотивы. Том 1

Глава 1

Сегодня воскресенье, а завтра День космонавтики. Вот так бывает: закончили работу аккуратно накануне праздника, и можно ехать домой. Конечно, этот праздник – не выходной день, но все-таки... В детстве Валерий Стеценко хотел стать космонавтом и день 12 апреля любил больше всего в году, даже больше своего дня рождения, даже больше Нового года. Книжки читал про космос, физикой увлекался, спортом занимался. Да что теперь вспоминать! Ничего из этого ему потом не пригодилось. Хотя как сказать... Если бы не хорошая физическая форма, вряд ли он теперь, в свои «за полтинник», мог бы работать в бригаде строителей-ремонтников, часами стоять на стремянке с поднятыми вверх руками, выравнивая потолки и стены и украшая их разнообразным декором. Народ-то теперь пошел со вкусом к ампиру да разным изыскам, просто побелить потолок и наклеить обои – это уже мало кому интересно, хоть дешевеньким, картонным, в подмосковном цеху сляпанным, а укрась, будь любезен.

Эту квартиру в доме, стоящем в двухстах метрах от МКАД, их бригада делала пять месяцев, измучились, пока угождали хозяевам, которые сами плохо понимали, чего хотят, и без конца требовали «сделать по-другому». Несколько дней назад поняли, что свет в конце тоннеля наконец забрезжил, работа заканчивается, и всей бригадой решили поднапрячься, сил не жалеть, со временем не считаться, но к воскресенью уже разделаться с ненавистным объектом, а заодно и с хозяевами, от которых тошнило. Так-то бригадир режим труда соблюдал, выходные рабочим давал, чаще всего в субботу и воскресенье, но порой и среди недели, смотря как дело двигалось да в зависимости от подвоза материалов, и Валерий почти каждую неделю на день-два мотался домой, в Тверь, а в эти выходные пришлось работать, но зато теперь у него впереди отдых, сон и еда. В бригаде, кроме бригадира, ни одного москвича, у всех семьи в других городах, все соскучились, хотели домой к родным, да и устали изрядно. Работали часов до двух ночи, к одиннадцати заканчивали «громкие» работы, чтобы соседи не возникали, и еще три часа возились потихоньку, спать оставались там же, на объекте, ложились на надувные матрасы прямо в одежде, без постельного белья, вскакивали в семь, быстро пили чай с бутербродами и принимались за дело. Очень уж всем хотелось поскорее закончить. Вот и закончили, слава богу, как раз к середине дня в воскресенье, и можно ехать домой.

После того как бригадир осмотрел объект и принял работу, посидели, как водится, расслабились, отпраздновали. Уже «слегка нетрезвый», Валерий Стеценко поехал на квартиру, которую снимал вместе с товарищами по бригаде братьями Руссу, помыться, переодеться да вещи собрать. Братья тоже поехали, решили с квартиры на окраине Москвы вместе двигать в сторону вокзалов: им было по пути, молдаване Руссу несколько лет назад осели со своими семьями в Смоленске, и ехать им нужно было с Белорусского вокзала, а Стеценко после отсидки жил в Твери, и его поезда уходили с Ленинградского. Так что и до метро вместе доберутся, и на метро проедутся, сначала по радиальной ветке, потом по Кольцевой.

Нетрезвый-то он нетрезвый, но деньги считать Валерий Стеценко всегда умел, прошлое у него такое, что без аккуратного счета денег никуда, вот навык и остался, не рассосался за годы, проведенные в колонии, да за долгое время безденежья и случайных приработков. Лучше всего ехать питерским поездом в час пятьдесят три ночи, там есть сидячие места, которые стоят всего-то сто восемьдесят пять рублей, то есть практически даром можно дое-

хоть. Есть и другие ночные поезда, их полно, но не в каждом найдется не то что сидячий, а даже и плацкартный вагон, в котором место стоит уже пятьсот двадцать три рубля, то есть существенно дороже, а в купе ехать – это ж вообще разориться можно, больше 900 рублей билет. А зачем ему отдельная полка в купе или в плацкартном? Ехать-то всего ничего, он, и сидя в креслице, отлично доедет. Главное, чтобы билеты были на тот поезд, где сидячие места есть. А уж если не будет, то придется платить за плацкарту или, того хуже, за купе, чего ему совсем не хочется. Деньги за пять месяцев работы он заработал вполне приличные, но их беречь надо, кто его знает, сколько времени придется в Твери сидеть, пока бригадир новый заказ не надыбает и не позвонит, дескать, приезжай, Валерка, работа не ждет. Может, уже через неделю раздастся звонок, Стеценко даже отоспаться и отожраться как следует не успеет, а может, и через три месяца. Так что экономить придется с самого начала. С другой стороны, как тут сэкономишь, когда дочка ждет не дождет папку, который привезет деньги и начнет покупать подарки, не говоря уж о самом необходимом? Дочку маленькую Валерий любил и баловал ее, как мог.

Но все же надо постараться лишнего не трогать. И хотя до поезда было еще очень много времени, он все равно решил ехать пораньше, вместе с братьями Руссу, хотел часам к двенадцати ночи успеть на вокзал. Лучше он подождет свой поезд, чем пропустит вообще все поезда, а на час пятьдесят три сидячих мест не останется. Можно, в конце концов, и в ноль тридцать девять уехать, и в ноль пятьдесят, и в час, и в час двадцать. Другое дело, что если уехать своим любимым поездом в час пятьдесят три, то в Твери на вокзале будет ждать Кот, Сенька Котов, который каждую неделю в ночь с воскресенья на понедельник встречает свою зазубу, возвращающуюся из Москвы всегда именно этим поездом. Кот на машине, и он обязательно подбросит Стеценко до дома и денег не возьмет, это уж сколько раз проверено. А если другим поездом приехать, то придется или Кота ждать, болтаться по платформе, или платить бомбиле. А как же экономия?

Братья Руссу после недавних взрывов в московском метро ездить в подземке побаивались, страх еще не прошел, но ехать-то надо, куда ж денешься, и они, чтобы не думать о страшном, всю дорогу болтали, не закрывая рта. Стеценко даже злиться начал, от выпитого в голове шумело, намешали опять водку с колой для пушшего эффекта, и болтовня братьев его раздражала. Еле дождался, когда доедут до «Белорусской» и Руссу выйдут из вагона. Ему самому еще до «Комсомольской» пилить, но это недолго, всего три остановки.

– Валерка, ты, что ли?

Голос раздался прямо над ухом и, несмотря на грохот поезда, почти оглушил Валерия. Он удивленно обернулся. Мужик какой-то, одет просто, недорого, чтобы не сказать – бедновато, просторная куртка размера на два велика, это Стеценко определил на глаз, а глаз у него был наметанным еще с тех давних пор, когда он крутился в среде валютчиков и фарцовщиков и отлично разбирался в шмотках, в фирмах и размерах. И брюки у мужика какие-то мешковатые и не особо чистые. А вот рожа смутно знакомая, но откуда Валерий его знает – так сразу не вспомнить.

– Ну, я, – осторожно ответил он. – А ты что за хрен с горы?

– Неужели не узнаешь? – весело удивился мужик. – Хотя и правда, столько лет прошло. Ну напрягись, родной, напрягись, вспомни.

И Стеценко вспомнил. Не сказать, что воспоминание было приятным, но все-таки знакомый, куда ж денешься. Даже имя вспомнил – Геннадий. А вот фамилию припомнить не мог, какая-то простая фамилия, типа Иванов или Сидоров.

– Ну, как ты? Где живешь, чем дышишь? – оживленно продолжал мужик по имени Геннадий.

Хвастаться Стеценко особо нечем, но и скрывать незачем, все равно этот Геннадий все самое плохое и неприглядное про Валерия и так знает. Скупно поведал, не вдаваясь в подроб-

ности, что живет в Твери, работает в Москве в строительно-ремонтной бригаде, зарабатывает сколько может, одним словом, на жизнь не жалуется, но могло бы быть и получше, если бы повезло.

Геннадий одобрительно хлопнул его по плечу:

– Хорошо устроился, молодца. Знаешь что, а давай пойдем куда-нибудь выпьем, отметим встречу, все-таки столько лет не виделись.

Выпить, конечно, хотелось, особенно на халяву. Но, с другой стороны, поезд же... Если не успеть на час пятьдесят три, то вообще неизвестно, когда он теперь домой попадет.

– У меня поезд, – неуверенно проблеял Стеценко.

– В котором часу?

– В час пятьдесят три последний уйдет.

– Ну, ты хватил! – рассмеялся Геннадий. – Еще только половина двенадцатого! Да ты десять раз даже пешком успеешь, смотри, мы уже к «Проспекту Мира» подъезжаем, отсюда до Каланчевки рукой подать. Давай, пошли, дернем за встречу.

– Да куда ж я в таком виде... – засомневался Стеценко.

Вид у него был для поезда в самый раз, а вот ежели в ресторан, то никуда не годился.

– Ты что ж думаешь, я тебя в кабак приглашаю? Извини, брат, у меня таких бабок нет, я сам на пенсию живу, на нее не пожируюсь. Но у меня, как говорил известный сатирик, с собой было.

Геннадий подмигнул и показал бутылку, торчащую во внутреннем кармане необъятной куртки.

– Сейчас найдем с тобой укромный уголочек, какую-нибудь детскую площадку, раздавим бутылек, и поедешь ты в свою Тверь к... Кто там у тебя? Есть кто-нибудь? Жена? Или просто баба?

У Стеценко была «просто баба», но он уже столько лет жил с ней и растил общего ребенка, дочку, что привык считать ее женой.

– Жена, – нехотя выдал он.

– Ну и славно. Пойдем, – Геннадий потащил его к открывшимся дверям, – поднимем рюмку за ее здоровье.

«Зачем я с ним иду? – мелькнуло в голове у Валерия. – На кой черт он мне сдался? Век бы его не видеть и не вспоминать. Выпить охота, надо добавить, а то от водки с колой хмель дурной, грязный какой-то... Может, и правда полегчает. И тратиться не надо. Какая-никакая, а экономия выходит».

Они поднялись по эскалатору и вышли на улицу. От метро Геннадий повернул влево и повел Стеценко мимо аптеки, ювелирного салона и цветочного магазина. Начался забор, и Валерий подумал: «Наверное, сюда поведет. Там, за забором, двор какой-то». Но Геннадий продолжал идти вперед.

– Далеко идти-то? – недовольно спросил Стеценко.

– Не бойсь, я места здешние знаю, – ухмыльнулся Геннадий. – Шагай за мной.

Валерий на всякий случай взгляделся в глубину двора за забором и понял, что там находится какой-то офис, он даже вывеску почти разглядел, вроде фонд какой-то и ресторан. И правда, здесь им делать нечего.

Началось длинное одноэтажное строение с уже закрытыми магазинчиками и забегаловками, а Геннадий все шел и шел.

– Слышь, там уже поворот виден, – робко заметил Стеценко, которому в этот момент ну просто нестерпимо захотелось выпить, то ли от тягостных воспоминаний, то ли водка с колой продолжали так действовать. Скорей бы уж дойти, налить и накатить.

– Нам туда и надо, – невозмутимо отозвался Геннадий.

Свернули в Грохольский переулок, перешли на противоположную сторону и метров через двести примерно дошли до прохода в обсаженный деревьями дворик перед домом, на углу которого висела реклама какого-то ортопедического салона.

– Здесь, что ли? – с надеждой спросил Валерий.

– А что? Отличное место. Там в уголке беседка, видишь?

Валерий напряг зрение – освещение было только по периметру дома, а дворик с деревьями и беседка тонули в полной темноте. Беседку он с трудом, но разглядел, и ему показалось, что внутри кто-то шевелится.

– Там кто-то есть.

– Да бомжи, ясное дело, – махнул рукой Геннадий. – Они нам не помеха. Да и спят уже, как пить дать.

Они пробрались к беседке, в которой действительно устроились на ночлег парочка немых на вид и жутко вонючих субъектов.

– Эй, мужики, – Геннадий пошевелил храпящие и сопящие тела ногой, – вставайте.

Один из бомжей проснулся и подал голос. Лица его в темноте было не видно, Стеценко даже не смог определить, старый он или не очень.

– Чего надо?

– Свалите отсюда, нам с другом посидеть надо, встречу обмыть. – Геннадий достал из куртки две бутылки пива и протянул бомжу. – Идите выпейте за наше здоровье, освободите территорию.

Стеценко поразился тому, как много нужного и полезного находится в карманах этой необъятной куртки: не только бутылка водки, но и пара пива. Наверное, там и закуска какая-никакая имеется. Он повеселел. Правда, бомж вызвал у него вполне здравые опасения: на каком основании он должен освобождать законно занятую территорию каким-то пришельцам? Сейчас начнет бузить, в драку полезет... Но бомж бузить и не собирался, две бутылки пива возымели свое действие, и он принялся будить напарника:

– Вставай, Корявый, да вставай же ты, нам тут подвалило... Давай вставай, поползли за дом, ща похмелимся малек...

Второй бомж дал себя увести. Надо же, как здесь все-таки темно, удивился Валерий, вроде были только что два человека, а шаг сделали – и как растворились в пространстве, будто и не было их. Чудеса, да и только.

Сели на скамеечку по периметру беседки, Геннадий извлек из кармана бутылку и набор складных стаканчиков, который, оказывается, тоже уместился в карманах его безразмерной куртки. Налили. Стеценко выпил сразу, даже тост ждать не стал, хотя точно видел: Геннадий собрался какие-то слова произнести. Тот и вправду стаканчик поднял, уже было рот открыл, но вдруг поставил стаканчик на скамейку и нагнулся, стал что-то рассматривать.

– Ты чего? – удивился Валерий.

– Да тварь какая-то по ноге пробежала, крыса, что ли. Не видишь?

Стеценко нагнулся, щелкнул зажигалкой и, подсвечивая себе, начал разглядывать землю под скамейкой. Никакой крысы он не увидел, только пустую сигаретную пачку, с десяток окурков, несколько одноразовых стаканчиков, опорожненную бутылку и порванную обертку из-под мороженого. Больше он не видел ничего. Вообще ничего.

* * *

Выходящая на северную сторону стена была полностью стеклянной, больше никаких существенных перестроек в этом небольшом домике Ардаев не заметил. Ну, насчет стеклянной стены – это понятно, все-таки хозяин дома не кто-нибудь, а художник, и ему нужно помещение под мастерскую. Но почему он все остальное-то не переделал? Денег, что ли, не

хватило? Да нет, Ардаев по своим каналам наводил справки, доходы у этого мазилы доморощенного более чем приличные, уж на переделку-то дома всяк должно хватить. Неужели жметя? С другой стороны, вон машина его стоит на участке прямо под открытым небом, никакого тебе гаража или даже простенького навеса, а ведь такая машина немалых денег стоит, уж это-то Ардаеву отлично известно. Получается, не бережет хозяин имущество. А разве так бывает, чтобы жмот – да не берег свое кровное? Если хозяин дома жмот, то это плохо, совсем плохо. Не катастрофа, но определенные трудности это обстоятельство создаст. Да когда же он наконец свалит?

Ардаев сидел в машине, припаркованной за два участка от дома художника, и ждал, когда хозяин уедет. Он предварительно навел нужные справочки и собрал кое-какую информацию, потому и знал, что домработница художника сегодня выходная, поскольку выходной ей был отведен на каждую субботу, а сам художник приглашен на прием по случаю крестин очередного ребенка очередного криминального авторитета, который задался целью выглядеть респектабельно и занять свое место в рядах светской элиты. Гости званы к трем, сейчас уже двадцать минут третьего, а художник, ни дна ему ни покрывки, все сидит дома и не уезжает. Видно, правила хорошего тона не про него писаны.

В половине третьего художник Борис Кротов показался на крыльце, и Ардаев презрительно поморщился. В джинсах, в джемпере и распахнутой куртке – это он на прием по случаю крестин в таком виде собрался? Ну дает парень! Или у него и в самом деле с деньгами проблемы? А что, вполне может быть, все заработанное угрохал на мастерскую и дорогую машину, мужик ведь – он все равно мальчишка до самой старости, ему игрушки нужны, а на приличную одежду уже не хватило. Если так, то дело совсем плохо. Нищий художник Ардаеву не нужен.

Выждав еще минут десять после отъезда хозяина, Ардаев запер свою машину и неторопливо двинулся к пустому дому. Запас отмычек у него был солидный, он готовился к серьезной кропотливой работе и даже был слегка разочарован тем, какой простой замок оказался в дверях. Войдя, он аккуратно прикрыл за собой входную дверь и отправился осматривать помещение. То, что он ищет, скорее всего, имеет совсем маленький размер, не может оно быть большим ни по каким соображениям. И если оно здесь есть, то надо быстро определиться, где в первую очередь искать. И искать надо так, чтобы никому и в голову не пришло, что здесь был посторонний. Времени у него достаточно, так что можно не торопиться. Да и площадь поиска не сказать чтоб уж очень большая: кухня, гостиная и мастерская – на первом этаже, спальня и просторный санузел – на втором. Правда, Ардаев еще заметил лестницу, ведущую на чердак, это тоже место перспективное. Но, с другой стороны, как сказать: если художник знает ценность искомого, то оно должно находиться только в спальне, не в мастерской же это хранить и не в гостиной, где постоянно толкутся посторонние. А если он ценности этого не представляет, то оно, вероятнее всего, валяется именно на чердаке в куче старого хлама. Вообще судьба этого полностью неопределенная: могли хранить как зеницу ока, а могли и выбросить много лет назад как предмет, не имеющий никакой практической ценности. А если с третьей стороны посмотреть, то непонятно, зачем хранить это как зеницу ока и не пользоваться? Можно было бы хорошие бабки срубить, если с умом распорядиться. Значит, скорее всего, значение этого не оценено, и оно спокойно валяется в груде старых ненужных предметов или в крайнем случае лежит в спальне как памятный сувенир.

Он решил начать со спальни художника. Ничего особенного, все очень просто и функционально: широкая кровать, прикроватная тумбочка, на которой лежат книги стопкой, из каждой торчит закладка, словно хозяин читает несколько книг одновременно. А может, дочитывает до середины, бросает, ленится поставить на место и начинает новую, так тоже случается. Книжные полки, кресло, комод с нижним бельем и носками, платяной шкаф. На стене две фотографии в рамках: на одной молодая, очень красивая женщина, которую Ардаев,

разумеется, сразу же узнал, на второй – эта же женщина с мальчиком лет трех-четырёх, в котором с большим трудом можно было бы распознать нынешнего хозяина этого дома. Во всяком случае, Ардаев ни за что не узнал бы его, если бы не знал совершенно точно: это он и никто другой.

Он не устоял перед искушением и открыл дверцы платяного шкафа – Ардаев питал непреодолимую слабость к дорогой стильной одежде и вообще к вещам, которые принято нынче называть статусными. Однако содержимое шкафа его разочаровало: в нем на нескольких плечиках висели джемпера, сорочки и джинсы, костюма же не было вовсе. Ни одного. А ведь Ардаев был уверен, что их там как минимум пять... На полках лежали постиранные и выглаженные футболки. Все очень обыкновенно, никакой статусности. Ардаев приоткрылся и понял, что в одежде художника царит полный разноряд, дешевые, купленные в первом попавшемся магазине или на вещевом рынке вещи соседствуют с джемперами «Миссони», майками «Версаче» и джинсами «Прада». На нижней полке шкафа стояла обувь, являвшая собой столь же эклектичное собрание дешевых и невероятно дорогих, брендовых, экземпляров.

Где в этой комнате можно хранить памятный сувенир? Не в ящиках же с майками и трусами! Только либо в прикроватной тумбочке, либо на крышке комода, либо среди книг. А если это хранится как невероятная ценность, то, скорее всего, либо в ящике комода, либо как раз таки в глубине полки, под теми самыми футболками и джемперами или под стопками постельного белья. Опыт у Ардаева был большой, в проведении таких вот негласных обысков он в свое время поднатерел изрядно, посему поиск много времени не занял, хотя проводился тщательно и аккуратно. Ничего. Единственное, что ему удалось найти, – это свидетельство о смерти матери художника и документы на захоронение. Если бы он хранил искомую вещь как памятный сувенир, то она лежала бы здесь же. Но ее здесь не было.

Ардаев покинул спальню и по узкой, не вызывающей доверия лестнице полез на чердак, мысленно чертыхаясь по поводу грязи и пыли, от которых непременно пострадают его дорогие брюки и фирменная обувь. Однако вопреки ожиданиям на чердаке царили идеальные порядок и чистота, это на самом деле была просто еще одна комната, весьма похожая на гостевую спальню, раскладной диван, тумбочка, столик, кресло, светильники и даже электрические розетки на стенах. Однако один предмет мебели все-таки привлек внимание Ардаева – тот самый раскладной диван, во внутренний ящик которого так удобно складывать либо постельное белье, либо старые ненужные вещи. Он поднял сиденье и с удовлетворением убедился, что не ошибся: диван действительно служил хранилищем старых вещей. Здесь лежали книги, ржавые гантели, альбомы с карандашными набросками, две стеклянные вазы с уродливыми рисунками, какие-то папки. Именно папки в первую очередь заинтересовали Ардаева. Он жадно кинулся развязывать тесемки и просматривать их содержимое, но того, что искал, все равно не нашел. Да, здесь были поздравительные открытки, которые когда-то присылали или дарили матери художника по случаю дня рождения, 8 Марта или Нового года, здесь даже была старая записная книжка художника Кротова... Но это все не то, не то! Ардаев на всякий случай внимательно пролистал записную книжку и еще раз убедился: нет, не то. Это не оно.

Вздыхнув, он спустился на первый этаж и решил на всякий случай осмотреть гостиную и мастерскую. Кто их знает, этих художников, творческие люди – они ведь все со странностями, может быть, та вещь, которая так нужна Ардаеву, хранится как раз там, где постоянно бывают посторонние. Нет, в гостиной не оказалось ни одного места, подходящего для хранения такой вещи, как бы ее ни рассматривать – как величайшую ценность или просто как памятный сувенир. Зато его взгляд сразу зацепился за небрежно брошенный на кресло пиджак от «Кензо», на котором с полным осознанием своего права валялась огромная рыжая пушистая кошка. В первый момент Ардаев буквально помертвел от такого кошунства, потом

почувствовал, как в нем поднимается и начинает клокотать ярость: это до какой же степени пренебрежительно надо относиться к деньгам, чтобы купить невероятно дорогой пиджак, бросать его в кресло и позволять кошке на нем спать! Судя по обилию шерстинок на всей поверхности пиджака, валялся он в этом кресле не первый день и кошка его уже основательно обжила. И как это вообще возможно при наличии домработницы? Куда она смотрит? Она что, совсем мышей не давит? За что же этот художник платит ей деньги?! Платить за такую работу – все равно что выбрасывать деньги на ветер. Безобразие!

А вот высокого стола, за которым удобно было бы кушать, в гостиной нет, только огромных размеров низкий стол, заваленный небрежно брошенными газетами и журналами. Где же он питается, художник этот? Неужели на кухне, как принято было в советские времена? Фи, неистребимое плебейство!

Ардаев зашел в мастерскую, но здесь уж совсем негде было хранить то, что он искал. Зато его взгляд, настроенный, как локатор, на дорогие вещи, сразу выхватил из кучи тряпок для протирки кистей золотую зажигалку, а также телефон «Верту», небрежно валяющийся на продавленном диванчике, задрапированном золотистой переливающейся тканью и явно предназначенном для того, чтобы усаживать на него модель. Только модель здесь, похоже, давно не сидела: рядом с телефоном Ардаев увидел коробку с елочными украшениями, полупустую упаковку сдобного печенья и бутафорский револьвер, какой можно было увидеть только в американских вестернах. Что же получается, художник уехал из дома без телефона? Это вряд ли. Стало быть, у него есть еще один, вряд ли дороже «Верту», в это верится с трудом, значит, дешевле и хуже, и именно его художник взял с собой. Что же должно быть в голове у этого недоноска, если он отдает пиджак «Кензо» кошке для использования в качестве подстилки, швыряет золотую зажигалку в кучу испачканных краской тряпок и пользуется дешевым телефоном, вместо того чтобы носить с собой дорогой? От ярости у Ардаева в глазах потемнело. Он, Ардаев, так и не смог подобраться к «Верту», хотя долго примеривался и облизывался, а этот... этот... даже слов нет, чтобы его назвать как-нибудь адекватно!

Он зажмурился, постарался расслабить спину и сделал несколько глубоких вдохов, дыша через сомкнутые связки и издавая горловое урчание. Это всегда помогало успокоиться и перестать злиться. Помогло и на этот раз.

Из дома художника Ардаев выходил с твердым убеждением, что денег у того – куры не клюют, счета им он не знает и расстается с ними легко. Что ж, тем лучше. У сегодняшнего мероприятия было две цели: найти искомое и постараться понять характер хозяина дома. С первой целью – облом, зато вторая достигнута в полном объеме и с весьма удовлетворительным результатом.

Осталось только привести замок входной двери в первоначальное состояние, чтобы никто не заподозрил, что в дом проникал чужой. Но с этой задачей Ардаев справился легко. Все-таки замок в доме художника был на редкость примитивным. Единственное, что заметит хозяин, так это то, что ключ будет проворачиваться с некоторым трудом, словно замок заедает. Но из ста человек девяносто девять не обращают на это внимания.

Глава 2

«Мне-ник-то-не-по-мо-жет-ни-ко-му-нет-де-ла», – звучало в голове в такт стуку колес. По темноте вагонного купе проскальзывал свет фонарей, обжигая полуприкрытые глаза, и каждый раз Валентина досадливо морщилась. Сперва она пыталась уснуть, лежа головой к окну, в таком положении свет беспокоил меньше, но из окна сильно тянуло холодом, а простужаться не хотелось, не домой все-таки едет, а по делу, в Москву, да еще неизвестно, на какой срок. Перелегла головой к двери, согрелась, но свет мешает, не дает заснуть. Или это мысли мешают? Или обида? Ненависть? Злость? Разобраться в этой мешанине Валентине было не под силу, да она особо и не старалась, просто знала: есть цель, есть дело, которое обязательно надо сделать. Надо найти того, кто убил ее отца. И плевать на следователя, который вот уже три месяца втолковывает ей, что у дела нет никаких перспектив, что отца убил какой-то залетный грабитель, и если бы он успел хоть что-нибудь взять из дома, хоть что-то украсть, то был бы шанс поймать его при попытке сбыта краденого, а коль он ничего не взял – видно, кто-то спугнул, или сам испугался, убив беспомощного больного старика, – то и брать его не на чем. Как найти такого в огромной стране? Поискали-поискали – да и бросили эту затею. Следователь по фамилии Неделько Валентине раз сто, не меньше, повторил:

– Поверьте моему опыту, если такое преступление не раскрывается по горячим следам, оно не будет раскрыто никогда.

Плевать на опыт, плевать на следователя Неделько, не может так быть, чтобы человека убили и никто не понес наказания. Она, Валентина, не может этого допустить. А Евгений, брат родной, со следователем как будто заодно, дескать, никто убийцу искать не станет, потому что отец так и так со дня на день умер бы. Рак в последней стадии, и врачи как раз накануне того страшного дня сказали определенно: речь идет о днях, а возможно, и о часах.

Валентина поняла, что в родном городе правды ей не добиться, и решила ехать в Москву. Там высокое начальство сидит, пусть оно следователю прикажет работать по делу, пока преступника не поймают. Брат Евгений долго ее отговаривал, потом вздохнул обреченно, полез в шкаф, достал толстый конверт с деньгами.

– Не дело ты затеваешь, Валюха. Толку не будет. Если по-серьезному заниматься тем, чтобы найти того, кто папу убил, то надо частных детективов нанимать. Государственные сыщики ради нас с тобой задницу рвать не станут. Умиравший от рака старый врач для них не фигура, вот если бы политик или журналист – тогда другое дело, а так... – Он махнул рукой и бросил конверт на стол перед сестрой. – Возьми, пригодятся. Я с тобой не поеду, у меня бизнес, дел невпроворот, а на майские праздники мы летим в Эмираты. Ни к какому начальству не ходи, только время зря потратишь, заодно и унижений нахлебаешься.

– А к кому же? – растерянно спросила Валентина.

– Я тебе дам телефон моего приятеля, позвонишь ему, когда приедешь. Я с ним созвонюсь, попрошу, чтобы нашел какое-нибудь детективное агентство поприличнее. И смотри там с деньгами поаккуратнее, ворья кругом – тьма.

У Валентины и свои сбережения были, так что вместе с деньгами Евгения сумма вышла солидная, должно было хватить на все. Собралась она быстро, оставила соседке ключи от квартиры, попросила поливать цветы и села в поезд. Но если в первые часы путешествия она была полна решимости и каких-то смутных надежд, вселявших уверенность в том, что уж теперь-то дело будет доведено до конца и убийцу удастся найти и покарать должным образом, то чем ближе к Москве, тем больше одолевали Валентину тоска и безысходность. Ну кому там, в столице, есть дело до безродной провинциалки? Кто захочет ее выслушать? Кто станет ей помогать? Скажут то же самое, что и следователь говорил: какая разница, днем

раньше умер ваш отец или днем позже? Он все равно умирал, и умирал мучительно, ему каждый день кололи наркотики, потому что он уже не мог терпеть боль.

Прорезающий темноту свет все бил и бил по глазам, и сна все не было и не было. Валентина тихонько, стараясь не разбудить спящих соседей по купе, слезла с полки, накинула куртку, вытащила из-под подушки сумочку, достала сигареты и пошла в нерабочий тамбур. Весь вагон спит... Нет, смотри-ка, не весь, в одном из купе дверь открыта, пятно света падает на слабо освещенный коридор. Проходя мимо, Валентина не удержалась и скосила любопытный глаз: всего одна пассажирка, женщина лет сорока, в черном спортивном костюме, сидит с ноутбуком на коленях, столик и обе нижние полки завалены бумагами. Чего она дверь-то не закроет? Вот же повезло бабе, одна в купе едет, сама себе хозяйка. Поезд битком набит, Валентина это знает точно, потому что с трудом купила билет, а оказывается, полно свободных мест. Наверняка билетные спекулянты постарались.

В тамбуре противно пахло застарелыми окурками и было холодно, пришлось застегнуть куртку на «молнию». Едва Валентина успела прикурить и сделать пару затяжек, как дверь открылась и появилась та самая женщина из пустого купе. Темно-рыжие волосы, стильная стрижка, черный костюм с ярко-розовой отделкой тесно облегает красивую фигуру с тонкой талией и широкими бедрами, а вот лицо усталое, даже замученное какое-то, и белки глаз покраснели. Да и немудрено, если она все время работает на компьютере, даже в поезде расстаться с ним не может.

– Не спится? – приветливо улыбнулась незнакомка.

Валентина настороженно кивнула, не зная, что ответить. Но отвечать надо было, а то невежливо получится.

– Вам тоже? – ответила она вопросом на вопрос, радуясь, что так ловко вышла из положения.

– Да нет, – женщина рассмеялась легко и как-то рассыпчато, – мне-то как раз очень даже спится. Только нельзя засыпать, уже четыре утра, через два часа прибываем, через час начнут будить, чтобы все успели умыться, пока в санитарную зону не въехали. Если сейчас уснуть, то через час я проснусь с чугунной головой и целый день буду как чумная, а мне надо быть в форме. Лучше уж совсем не ложиться. А спать хочется – как из пушки! Вот вышла покурить с вами за компанию, поболтать, чтобы сон разогнать.

Надо же, какое забавное выражение: хотеть спать «как из пушки». Валентина сроду такого не слышала. Как это – из пушки? Стремительно и напористо? С такой же неотвратимостью и убойной силой, с какой движется выпущенное из пушки ядро? Или как?

– Вы видели, как я проходила? – удивилась она. – Я думала, вы меня не заметили.

– Еще как заметила. Вы не против? Может, вы хотели побыть одна?

– Нет-нет, – торопливо заговорила Валентина, – я не хотела... То есть я хочу сказать, что я с удовольствием... А вы в командировку едете?

– Из командировки. Шеф надумал покупать очередной свечной заводик, вот и отправил меня на два дня проверить, как там и что, бухгалтерию их посмотреть, ну и все такое, а сегодня у него уже переговоры по поводу этой покупки, и я должна успеть привести все бумаги в порядок и доложить ему свои соображения. Времени, конечно, в обрез, понятно, что я не успеваю, поэтому пришлось покупать четыре билета, целое купе, чтобы спокойно поработать в поезде. Как всегда, все в последний момент и в авральном порядке. Никогда не понимала, почему мужики вечно затягивают до последнего, ничего не умеют делать заранее. – Она сладко зевнула и потрясла головой. – Господи, как же спать хочется! Полцарства за восемь часов сна. Меня зовут Еленой. А вас?

– Валентина. А зачем вашему шефу свечной заводик?

– Фигура речи. – Елена улыбнулась, загасила в висящей на стене пепельнице окурки и тут же вытащила из пачки новую сигарету. – На самом деле речь идет о заводе лекарственных